

сейчас — страж мира в Европе, ослабление которой было бы преступлением перед цивилизацией.

А между тем нарастающая сейчас угроза войны представляет собой угрозу самому бытию цивилизованного человечества. И перед лицом этой страшной опасности, грозящей гибелью всем достижениям векового прогресса, ни одна общественная единица, как бы она ни была незначительна, не должна остаться нейтральной и безучастной. В то же время, с другой стороны, такие размеры опасности войны теперь уже очевидны для самого простого и неискушенного сознания и потому должны быть объявлены вне всякого закона — правового и морального, — как подлинные враги рода человеческого, те, кто, несмотря на это сознание, так или иначе провоцируют эту страшную всеобщую катастрофу.

Редакция.

ОТЦЫ И ДЕТИ В ЭМИГРАЦИИ

(В дискуссионном порядке)

«Стоит им (профессорам Гюллингам) заметить, что кто нибудь из молодых стремится к чему то другому и что он одарен благородным упрямством настолько, что может добиться своего, — они тут как тут. Сначала, идут добрые советы, потом — игнорирование, потом — противодействие, и, наконец, применяется сила. Берегись, Карено: ты рассердил одного из этих почтенных холопов». (Кнут Гамсун — «У врат Царства»).

Еще два-три года и вот уже 20 лет, как продолжается великая русская трагедия. Срок этот почти достаточен для смены одного поколения другим.

В любую эпоху на арене общественной жизни сосуществуют, сменяя друг друга, обыкновенно три поколения: деды, отцы и дети. Первые — представители уходящей эпохи, — олицетворение консерватизма, вторые — господствуют и за-

конодательствуют, третьи — элемент революционный, предвестники будущего. Каждому поколению положено иметь свое настоящее, свой период культурного плодоношения, когда созревают плоды приносимой этим поколением идеи. И каждое настоящее всегда принадлежит одному из трех указанных поколений. Но не каждое настоящее наступает во-время для того или иного поколения. Часто оно запаздывает для становящегося поколения и в жизни господствуют и законодательствуют отцы, кои по возрасту давно превратились в дедов. Иногда это настоящее настолько запаздывает для очередного поколения, что минует его, оставляя его бесплодным, и передается от отцов не к детям, а через их голову непосредственно внукам. И не всегда также очередному поколению удастся принести в жизнь свой творческий плод в том виде, как оно этого бы хотело; часто червоточит его плод чужеродной этому поколению идеей...

Кому же принадлежит современное настоящее, плодами какого поколения питается настоящая жизнь? Какие плоды сулит нам грядущее поколение и кому принадлежит это становящееся, новое «настоящее»... Вот вопросы настоящей статьи.

Современные деды оказались свидетелями гибели всех своих идеалов и побитые на всех позициях жизни, они, как это часто бывает с побежденными, представляют собою ныне тип **мытика** или упрямого ничему не научившегося ретрограда. А современные отцы, неудачники в прошлом и оставшиеся такими же неудачниками ныне, — стали в силу этого настоящими **мизантропами** или же ни во что не верящими скептиками, разлагающими всякое в их среде начинание... Что же касается детей, то они выросли среди всеобщего крушения всех устоев жизни, в эпоху всеобщего идейного кризиса, среди обломков прежних и совсем недавно еще столь могущественных идеологий, в атмосфере безверия, как отцов своих, так и дедов, и вот почему преобладающим типом среди них оказались своеобразные **стойки** и **циники**. В противоположность своим предшественникам — «мягкотелым интеллигентам» — из них выросли непоколебимые в своих еще неясных и несознанных устремлениях люди; они равнодушны, как и древние стойки и циники, к внешнему, к бедствиям мира и горды сознанием своей

внутренней свободы от отцовских вечных «исканий», от дедовских «предрассудков» плоского материализма и от «прадедовских» благоглупостей» пошлого гуманизма.

Кому же принадлежит нынешнее настоящее? Казалось бы, оно по праву должно принадлежать отцам. На самом же деле это не так, все настоящее по-прежнему остается в старческих руках делов.

В руках у молодых поколений — одна только голая политика, без средств, без прессы, без идейных вождей, да за дворки литературы...

Чем же это объясняется и справедливо ли такое положение?

Одна из причин почему деды «засиделись» в эмиграции — чисто внешняя: в их руках осталось материальное преимущество — средства и ценз (профессиональные навыки и знание), а также и связи с отсталой западно-европейской общественностью. Экономическое и правовое положение нынешних отцов не позволило им (отцам) занять сколько-нибудь прочного положения в обществе, а дети в значительной мере подверглись денационализации, вернее — универсализации. Но есть и более серьезная причина почему деды до сих пор сохранили свои командные позиции в общественной жизни: их дети, т.-е. среднее поколение сорокалетних — современные отцы, — оказались недееспособными войти в наследство своих отцов, они, вырванные в молодости из родной почвы, исковерканные и надломленные, остались в жизни ни с чем; они лишние и никчемные люди, ничего положительного дать не в состоянии, так как они лишены серьезного знания и дисциплины мысли и вследствие этого, как обиженные судьбою, они озлобились на все и вся и сделали мизантропами.

Однако, был все таки один момент, когда и второе поколение показало себя и дало яркую и светлую страницу для истории эмигрантской общественной мысли. Страница эта — евразийство, порожденное и взлелеянное всецело вторым поколением.

Но создав яркое и оригинальное движение, оно блеснуло им, как ракета, на несколько исторических мгновений и вновь погасло. После евразийства оно уже ничего не создало нового и инициатива в творчестве русской общественной жизни пере-

ходит постепенно к молодежи, к третьему поколению... Но, как и отцовская инициатива, инициатива детей встречает такое же глухое сопротивление в удушливой атмосфере современности. Ибо в действительной жизни все остается по старому. Все гниет на корню, все кругом реакционно, все звучит анахронизмом...

Так продолжаться больше не может. Бывшие отцы, нынешние деды, засиделись на своих позициях, которые им больше уже не принадлежат. Старики имеют, конечно, право на уважение и признание, но никто и не посягает на эти права их, однако и сами старики не должны посягать на права молодых, кому принадлежат настоящее и будущее. Когда жизнь принадлежала им, то тогдашние деды не претендовали ни на какое господство и вели себя скромно и с достоинством, как и подобает старикам и все их уважали и любили, как у отцов, так и у детей, все принимали от них то вечное, что приносит в культуру всякое поколение. Совсем иначе ведут себя современные деды, они не желают уступать того, что им по существу уже не принадлежит, они продолжают навязывать всем не только свое вечное, но и все то временное и гнилое, что давно осуждено историей и в этом трагикомичность всего современного положения.

Но этого мало. Когда то в России, как и теперь во всех странах, старшее поколение в подготовке своей смены видело одну из главных своих задач. Оно выращивало, выхаживало ее, бережно обращаясь с юными хрупкими ростками, всячески благоприятствуя им, широко предоставляя свободу воздуха и света. Старшее поколение в эмиграции — к нашему позору и стыду — не только не озабочено никак этой важнейшей культурной задачей, но сплошь и рядом играет роль гасителя творческого духа молодежи. Не мы первые говорим об этом. Помимо бывших выступлений самих представителей молодежи, в свое время, и на страницах «Возрождения» Ходасевич указывал на имеющиеся «позорные явления» в этом роде. И обычно это делается ради тех из обанкротившихся идей, в которые они

сами уже давно не верят и за которыми тем менее может пойти молодежь, на своей трагической судьбе пережившая их банкротство.

М. Б—т.

Примечание редакции:

Помещая в целях отражения существующих настроений среди эмигрантской молодежи статью М. Б-та, мы полагаем, однако, что эти настроения — плод крайнего обобщения тех отрицательных бытовых явлений, которые всегда имели место со стороны худших элементов старшего поколения. С другой стороны, при всем нашем идейно критическом отношении к большинству эмиграции, мы должны признать тот факт, что ею создано нечто вроде целого, особого государства, целой культуры со своей наукой и искусством, общественной организации и политической жизнью, которые по своим достижениям и интенсивности могли бы поспорить с любым из современных малых государств. И это огромное и замечательное дело русской эмиграции есть главным образом дело рук ее старшего поколения: «отцов» и «дедов».

Редакция.

Век молодежи

Уже давно стало общепризнанным представление о решающей роли молодежи в современной жизни. В трех, социально-политически наиболее передовых государствах, молодежь является главной движущей силой всего. А во всем остальном мире все передовые движения, все новые идеи вынашиваются главным образом силами молодежи. Справедливо говорят о «педократии», как побеждающем всюду строе.

Явление это можно объяснить общим революционным характером нашей эпохи. Эпоха эта вся идет под знаком направленности снизу вверх. Пласт за пластом поднимаются на поверхность жизни все новые общественные слои и массы: сначала «третье сословие», буржуазия, потом пролетариат, — «четвертое сословие», а теперь вновь почва колеблется, и в разных странах уже встает новая сила, крестьянство, — «пятое сословие». Но если этот общий революционный дух эпохи, революционная направленность ее снизу вверх вызывает в социальном плане выдвижение все новых общественных слоев, то в историческом плане она вызывает на мировую арену новые народы, а в физическом, возрастном — новые поколения, — молодежь. Смысл этой постоянной пертурбации очень простой. Новая эпоха, новые идеи, новые формы жизни требуют для